

ОБРЕТЕНИЕ ФОРМЫ: ЧЕЛОВЕК СТАНОВЯЩИЙСЯ

По нашей просьбе редактор известного журнала «Знание-Сила» Ольга Балла обратилась с вопросами, касающимися проблемы институционализации современной антропологии, к Олегу Генисаретскому – главному научному сотруднику Института философии РАН, руководителю Центра синергичной антропологии ГУ Высшая школа экономики, ведущему Корпоративного клуба Института корпоративного развития группы компаний «РЕНОВА».

– Олег Игоревич, как Вам видится проблема институционализации современной антропологии? Она вообще-то нуждается в этом? И что такое, по-Вашему, институт в современном его понимании?

– Я думаю, призыв «Делать институты» – это императив нормального развития гражданского общества в условиях правового государства. Учреждение ассоциаций, гражданских союзов, советов по тем или иным проблемам, клубов, всяческих сообществ в деловой, досуговой, научной, правозащитных сферах, будет продолжаться. Это способствует наращиванию социальной ткани общества и, как удачно выразился В.В.Малыгин, становлению «новой социальности». Словом, «больше институтов хороших и разных».

– То есть, институционализацию антропологии можно, по-Вашему, только приветствовать?

– А имеет ли смысл говорить о каких-то особых антропологических институтах, помимо всего того, что мы знаем и хотим знать о человеке? Что вообще понимать под «институционализацией» антропологии: научные исследования и опробование выявленных в них антропопрактик? Или здесь идёт речь о большем – о трансформациях в самом человеке?

Во всяком случае, можно сказать, что поле антропологического воображения, причём, вполне оформленное институционально, сейчас довольно интенсивно расширяется.

Так, все мы знаем о происходящей в мире и в нашей стране борьбе вокруг прав человека на достойное существование. Борьбе живой и весьма энергичной, длящейся более 200 лет, и за это время обросшей разветвленной сетью институтов. Вот, скажем, профсоюзы теперь ведут свою деятельность под лозунгом: «За права человека на рабочем месте!». А на предстоящем вскорее Всемирном русском соборе будет обсуждаться доктрина РПЦ в области прав человека. Попытка справиться с дедовщиной в российской армии также начинает осмысляться в терминах прав военнослужащих. И все это не только правовые усмотрения, не только результат приверженности мировоззренческим ценностям, но социальная практика, говорящая (универсальным языком прав человека) о его судьбе, достоинстве и свободах в разных предлагаемых жизнью обстоятельствах.

Или, к примеру, крестовый поход «За святость жизни», который вел покойный Папа Иоанн-Павел II – движение в защиту жизни как таковой: ведь почувствовали же мы, что под угрозой исчезновения не только горный орёл и лошадь Пржевальского, но и человечество как вид: с ним происходит нечто биологически невнятное, вызывающее серьезные опасения и вызывающее к практическим действиям.

Ольга Анатольевна Балла

Родилась 31 июля 1965 г. в г. Москве.

В 1994 г. окончила исторический факультет Московского Педагогического университета.

Редактор журнала «Знание-Сила» (отдел философии и психологии); обозреватель газеты Ex Libris – НГ (Книжное приложение к Независимой Газете), ведущая полосы «Концепции» в этой же газете.

Автор более 200 публикаций в газетах и журналах.

E-mail: oballa@yandex.ru

Время от времени пишет что-нибудь в Интернете по адресу: <http://yettergjart.livejournal.com/>

случае, давала надёжную точку отсчёта. А с тех пор, как усилиями романтиков, она стала мыслиться исторически (в том числе и в марксизме), с тех пор, как начало выясняться, что природа человека не дана изначально, от Бога, принято считать, что она исторически изменчива. Более того, человек как бы «приватизировал» себя, свою телесную и душевную природность. И потому перед человеком (перед каждым и всеми вместе взятыми) встал вопрос, как мы проживаем жизнь внутри себя, что можем, умеем и хотели бы делать с ней, на пределе своих возможностей.

Человечность – это нечто, существующее не только во мне, в замкнутой оболочке моего тела: она как-то перетекает из одного «сосуда» в другой. Это – то, что чаще всего выражают словом «энергия». (У этого есть и вполне научные выражения.) Она существует в распределенной, средовой форме, об этом говорит экология: человечность надо охранять, соблюдать её чистоту; она осуществляется и в органической форме. У нее есть органы, с которыми человек определенным образом управляется, проявляя, по словам Фуко, «заботу о себе». И, кроме того, внутри нас, в некоей витальной, глубинной форме: человеческое в нас приходит и уходит, настигая нас спонтанно. То, что Фуко называл «трансгрессией» – это «сбои» в истории человечности, изменения в ее структуре, переходы от одного состояния к другому, не всегда понятному и... по-человечески приемлемому. После того, как природа человека перестала восприниматься константной, мы вынуждены самостоятельно управляться с ней – проживать и переживать её на новых этапах жизни заново.

Есть ряд проблем, касающихся глубинных структур человека, к которым уже пристально присматриваются и обдумывают их институционально. Тут стоит обратить внимание на работу Энтони Гидденса о *трансформации интимности*, о том, что происходит сейчас с институтом семьи. По Гидденсу, нечто изменяется не просто в экономических и властных отношениях внутри семьи, не только в публичном и приватном срезах семейной жизни, но внутри самого человека: в структуре интимности, что лежит глубже приватного. Подобно тому, как когда-то демократизировалось знание. Грамотность перестала быть привилегией жреческих и университетских коллегий и стала всеобщим достоянием после того, как произошла приватизация сексуальности и человек стал проживать её как собственную принадлежность и способность, как то, чем он может распоряжаться сам. Происходит демократизация эмоционально-ценностного измерения семьи, затронувшая личные межполовые и межвозрастные отношения в ней. Они стали более равноправными, ослабла прежняя жёсткость иерархий – семейные отношения видятся более пластичными и разнообразными. Таким образом, происходит нечто в самой человечности, и на довольно глубоком уровне.

Я бы еще упомянул круг представлений, который был в своё время оформлен М.Фуко в терминах «трансгрессии». Пока – до времён Просвещения – природа человека мыслилась как извечно данная, ее можно было только оберегать или «извращать», идя против неё, нарываясь на неприятности, но она, во всяком

– А кто из современных авторов, с Вашей точки зрения, интереснее всего сейчас разрабатывает проблематику институционализации?

– Это скорее вопрос не столько к нам, антропологам, сколько к социологам. Из отечественных авторов, более знакомых мне, назову Елену Островскую-мл., Павла Малиновского, Вячеслава Марачу, Михаила Флямера. Что касается социологов и правоведов, то для них институты – это как существительное или глагол в грамматике: аксиоматическая первооснова.

– И всё-таки хотелось бы услышать от Вас примеры сугубо институциональных новаций. Что здесь, по-Вашему, достойно упоминания?

– Что касается примеров, то на фоне процесса глобализации можно отметить усилия правозащитных организаций: типа «Гринпис» или «Human Right Watch». В свое время Александр Неклесса придумал удачное название для такого рода институтов: «амбициозные корпорации» или «амбициозные группы». Это – малые сообщества, неправительственные, некоммерческие организации, способные в условиях свободного перемещения по миру, сетевых коммуникаций и ряда других новшеств оказывать воздействие, сравнимое по влиянию с транснациональными корпорациями или государственными структурами. Их усилия в целом – это международно признанная практика, вошедшая в складывающийся миропорядок. В отличие от, допустим, русских бомбистов XIX века, организации которых были изначально нелегальными и, какие бы формы они ни принимали, так и не вышли из подполья до самой революции. Хотя терроризм – тоже своего рода институт.

В нашем обществе – и в общественном сознании, и в науке в том числе – в последнее время наблюдается процесс институционального переоформления самых разных видов деятельности: научной, культуротворческой, гражданской... Это происходит по двум причинам и в двух измерениях.

С одной стороны, поскольку изменился социальный строй, естественным образом стали возникать новые «центры тяжести» социальной активности. Достаточно сказать, что раньше институциональное оформление тех же научных исследований было в первую очередь академическим. Кроме академических институтов, существовали ведомственные исследовательские структуры; тогда как в университетах занимались, в основном, преподаванием. Конечно, были ещё чудаки-инициаторы, действовавшие на свой страх и риск. И, наконец, совсем уже в малой степени, время от времени образовывались устойчивые микросообщества: методологическое – вокруг Г.П.Щедровицкого; кибернетическое; генетическое – вокруг Н.В.Тимофеева-Ресовского...

Сразу же после перестройки стала складываться масса центров, ассоциаций, аналитических структур. Чуть ли не каждый, кто ещё шевелился, пытался что-то для себя организовать. Тогда ещё были упования на то, что на коммерческой основе это всё расцветёт пышным цветом и будет легче работать. Увы... Большинство возникших в то время структур – где-нибудь две трети, если не больше – свернулось до нуля. Некоторые, правда, продолжают существовать – в виде одного-двух сотрудников-энтузиастов...

А сейчас начался вторичный процесс укрупнения. Складываются более-менее устойчивые бренды исследовательских структур. Иногда на старых ресурсах, чаще на новых. Вот Сергей Смирнов начал выпускать альманах «Человек.RU» – это, безусловно, институциональный жест. Начали действовать несколько исследовательских институтов, занимающихся антропологической тематикой. Тысячи, если не десятки тысяч, людей осваивают какие-то антропопрактики...

Второе измерение того же процесса: постепенно уплотняется и дифференцируется то, что я назвал бы «телом» антропологического и социологического воображения.

Социология постепенно перестаёт быть только дисциплиной, существующей в пределах Академии наук: она проникает в тело общества в виде публичного социологического воображения. И социологическая аргументация, и само видение всех процессов сквозь призму социологических представлений становятся общим достоянием.

Прежде всего, это, конечно, институт общественного мнения, проведение всяческих опросов и рейтингов – это ведь социологическая техника. До известных пор у нас не было такой публичной реальности, как общественное мнение. (Для сравнения: в Америке Гэллуп ведёт свою наблюдательскую деятельность с конца XIX века, и американский образ жизни без этого давно уже не представим.) Сейчас постепенно и у нас общественное мнение становится институтом, привычной структурой, про которую всем более-менее ясно, для чего она нужна. По крайней мере, несколько известных фондов – Юрия Левады, Бориса Грушина и других – постоянно ведут мониторинг, и это становится фактом социальной жизни.

Несомненно, новым приращением было, когда с началом перестройки у нас появилось тренинговое движение – уже довольно развитое, даже переразвитое. В России оно быстро укоренилось и получило самые разнообразные выражения. В сию минуту, наверное, в стране проходит несколько тысяч разных тренингов одновременно. Вообще-то, тренинг – это довольно определенное занятие, предназначенное для того, чтобы формировать, наращивать, оттачивать какие-то компетенции. Но, наложившись на нашу социально неструктурированную постсоветскую жизнь, тренинг стал образцом работы в малых группах, устойчивой и весьма популярной формой «выделки» человека.

Причём едва ли не всё равно, о какой работе идёт речь: об отработке аналитических навыков, тренировке эмоционально-коммуникативных компетенций, о «накачке» какой-то мышцы... – когда собираются 10 человек и один других чему-то обучает, он себя называет тренером, а их – участниками тренинга. В этом смысле тренинг принял форму очень распространённого института. Тренинговая среда стала способом оформления любых активностей: психотерапевтических, религиозных, псевдорелигиозных, оккультных... Довольно часто трудно отличить, что это: в самом деле, психотерапия, идущая от психолога-профессионала, или самопал, посредством которого ведущий тренинга реализует свои властные или финансовые амбиции?

Похожая – и не менее, надо сказать, странная – судьба постигла в нашей стране и PR: тоже ведь тип активности, название (а вместе с тем и признаки) которого стали распространять чуть ли на всё подряд. До смешного доходит: видел я как-то плакат: сидят парень с девушкой на стогу в лунную ночь, и она его спрашивает: «Милый, ты меня правда любишь или это пиар?». Такое же размывание границ претерпело слово «менеджер». Стоит возле метро субъект полууголовного вида, а на ближайшем столбе самопальный плакат: «Менеджер аттракционов X». А потом такие менеджеры и пиарщики сколачиваются в ассоциации – и вот вам уже социальная реальность.

Впрочем, все институциональные трансформации, безусловно, достойны быть предметом внимания.

– И влияет ли это как-нибудь, по-Вашему, на культурное состояние в целом?

– Я уже сказал, что поле социологического воображения расширяется применительно к социальным практикам общества. Но оно еще и усложняется – за счет уточнения представлений о природе институциональной реальности.

Сейчас уже в ходу представление о том, что, помимо юридических и социальных, существуют когнитивные институты – то, что выражается словом «менталитет»: устойчивые структуры мыслимости чего-то, определённые способы сознания и

понимания, устанавливающиеся в общественном сознании. Можно говорить и о культурной институционализации: это когда в сфере культуры (в различных социальных группах, в коммуникациях между ними, в правовых нормах) какие-то особенности образа жизни, повседневного поведения становятся носителями внятного создаваемого культурного значения. Можно говорить об институтах экзистенциально-прагматических, лежащих на уровне глубинных пластов личностного опыта...

Но тут я должен отметить половинчатость самой постановки вопроса об институционализации антропологии. Более полной, и экзистенциально-значимой формой вопрошания, на мой взгляд, является постановка вопроса сразу об антропологических институтах и традициях. **Институты** – это элементы социальной структуры, тогда как **традиции** – процесса исторической преемственности и культурного наследования. То самое, что в социально-структурном отношении суть институт, в процессуально-историческом – традиция. Они созначны, системно дополняют друг друга, и только вместе реализуются в антропологически значимых практиках.

Признание их софункционирования и коэволюции существенно углубляет понимание институциональности. И не только в отношении признания естественно-исторической изменчивости институтов. Ибо в виду еще одной созначности – **традиционности** (идушей из прошлого) и **проектности** (направленной к будущему) – институты обретают качество имманентной будущности, и столь же имманентной инновационности. В частности, обретают личностно-творческие и духовно-творческие потенции.

Для методолога это означает, что речь должна вскоре пойти об обновительно-творческой роли мышления, взятого в его экзистенциально-онтологической сути. Применительно не только к антропологической, но и к этнокультурной и даже богословской проблематике.

А вслед за этим – углубление понятия практики, человеческого опыта, которое приобретает те же самые экзистенциально-онтологические предикаты: проектности, инновационности, экзистенциально-прагматической целе- и смыслосообразности.

И тогда в многократной, рефлексивной многоходности антропологическое воображение будет втягивать в себя все институционально-традиционно-практические созначности, отливаясь в живое, обновляющееся понимание человека, пребывающего в предельности и переходности своего бытия. Фундаментальными тут будут признаны предикаты дискретности/непрерывности жизни как таковой, ее индивидуального разнообразия и средо-родовой цельности. И они, как можно полагать, станут основанием энергично обсуждаемой сегодня – и на Западе, и в России – биополитики.

– Расскажите, пожалуйста, о Вашей деятельности после Института человека РАН. Было ли что-то важное утрачено с его закрытием? Или это нормально пройденный этап, и теперь можно, не слишком о нём сожалеть, делать что-то новое и интересное?

– Это был вполне нормально пройденный этап. Год назад мы с С.С.Хоружим учредили Институт синергичной антропологии: с одной стороны, в целях организации гуманитарно-исихастских исследований, с другой – чтобы получить право преподавать в Высшей школе экономики, для чего там параллельно Институту был создан Центр синергичной антропологии. Они с самого начала действуют на основе добровольных пожертвований. Сначала нас там было двое, теперь Институт и Центр потихонечку разрастаются.

У С.С.Хоружего внутри Института человека РАН была лаборатория, сначала занимавшая преимущественно изучением исихазма, а затем более широким кругом

духовных практик и традиций. Меня же в тот период более интересовали современные психопрактики и традиции психологической культуры.

Психопрактики, как и вообще практики, связанные с человеком, отчётливо делятся на традиционные – которые культивируются в традиционных культурах, подчёркивают свою преемственность с ними, пытаются быть их продолжением, – и те, что возникают на основе научной, экспериментальной и практической психологии (и антропологии). Не отрицающие возможностей традиционных культур, а просто растущие из другого корня.

Так вот, у нас в Институте человека была лаборатория, посвященная традиционным психопрактикам и духовным традициям, способам «самоустроения человека» в них. У каждой мировой религии есть своя версия такого опытного устройства: йога в буддизме, суфизм в исламе, исихазм в православии... Лаборатория С.С.Хоружего занималась, во-первых, изучением таких практик и сопутствующих им представлений; во-вторых, введением их в культурный оборот.

В своё время англичане, попав в Индию, издали корпус ведических, а затем буддистских текстов, – с тем, чтобы лучше представлять себе культуру, с которой имели дело, и использовать это знание в целях управления. Теперь это даже и неважно: главное, что они сделали это знание общекультурным достоянием. Независимо от первоначальных целей, эти усилия переросли в традицию академического знания, плодами которой мы теперь пользуемся. Многие из этих текстов вначале переводились у нас с английского, а не с санскрита или пали – сейчас, конечно, давно уже переводят с подлинников. (Похожая ситуация была в 40-е годы с суфийскими текстами, которые не сразу начали переводить прямо с персидского или арабского.)

И только где-то в середине XIX века – и еще в ограде Церкви – началось систематическое издание святоотеческого исихастского наследия. А в начале 10-х годов XX века – в связи с полемикой об имяславии – усилиями русской религиозно-философской мысли началось введение этого наследия в общекультурный оборот. Чтобы сложилась, как минимум, осведомлённость о том, что у нашей культуры – у светской в том числе – есть свои духовно-практические корни: не только иконопись, церковная музыка и архитектура, но и нечто, относящееся к внутренней форме человека, к устройению его душевной и духовной жизни.

Потом, понятное дело, эти усилия были пресечены. И лишь в постперестроечное время – вместе с водворением свободы совести – они снова стали выходить на культурную поверхность. Так вот, эта линия работ шла в Институте человека и раньше, просто теперь она оформилась в деятельности Института и Центра синергичной антропологии. Тем более, что за прошедшее время Сергей Сергеевич выпустил несколько замечательных книг: от словаря традиционной исихастской терминологии – до собственных концептуальных построений.

Раз в месяц мы проводим научный семинар в здании Института философии РАН, открытый для публики, началось преподавание в Высшей Школе Экономики.

У нас с С.С.Хоружим пока сложилось такое разделение труда: он занимается концептуально-теоретическим ядром синергичной антропологии, а я более склонен к занятию гуманитарными стратегиями и практиками, ориентированными на это ядро. Один из недавних семинаров, например, назывался «Театр в истоке коммуникации» и был посвящён творческой встрече с театрально-педагогической группой «ТОТ». Они себя считают не просто театром, а группой, занятой сценической практикой, имеющей отношение к «самоустроению человека»: выявлением самообразов и реализацией их в жизни и деятельности. Например, они проводят сценические занятия в Государственном Университете Управления на разных факультетах. Это очень интересно. Вот мы и пытались понять: что это за практика и что она может дать?

Я теперь увлёкся рядом сюжетов, связанных с тем, что все формы коммуникации, так или иначе, производны от театра и соотносимы с ним. Именно поэтому, когда в обществе происходит сильная социальная трансформация – на поверхность общественного сознания всегда всплывают театральные метафоры и начинается масса театральных экспериментов.

Казалось бы: в классическом русском театре невероятно развита культура переживания, чувствования, самовыражения, например, во МХАТе, в школе Станиславского... На это вполне можно, казалось бы, опираться. И тем не менее, смотришь – за последние два года ставятся пять «Чаек», несколько «Ревизоров»... С классическими сюжетами чаще всего выделывают чёрт знает что, но важно, что это оказывается интересным и публике, и критике. По мне, всё это разнообразие – свидетельство поиска неких констант по поводу классического наследия, некой общительности о нем.

Все общественные отношения передумываются, перепроживаются в форме театральной активности, потому что в самом истоке коммуникации лежат некоторые пракоммуникативные структуры, коренящиеся и в очень традиционных слоях культуры, и в социальном бессознательном. Поэтому, едва начинается ломка отношений – в публичной или приватной сферах – новые состояния равновесия ищутся, в том числе, и на театральных сценах.

Кроме того, я занимаюсь визуальной антропологией...

– А что такое визуальная антропология?

– Это очень интересно. Возникла визуальная антропология давным-давно, – буквально с момента изобретения кинематографа – в Америке: как опыт фиксации уходящих североамериканских культур. Там велась съёмка для музеев естественной истории – чтобы видимые формы традиционной культуры не пропадали. А потом это стало жанром то ли документального, то ли научного кино – оно называлось «этнографическим». Позже, когда появилось телевидение, оказалось, что это – очень привлекательный продукт: то, что показывает канал Travel, Discovery... – всякого рода красочные, экзотические обычаи, обряды... В общем, очень плодотворным оказывается союз этнографа или антрополога (учёного, который знает реалии подлежащего экранной фиксации: обряды, обычаи, образ жизни) – и режиссёра/оператора, которые умеют этому придавать внятную экранную форму. До сих пор идут споры: разновидность ли это документального кино или самостоятельный вид экранной культуры? А может, это научное кино? Было такое когда-то у нас в стране...

В России этим занимаются где-то с начала 80-х. Сейчас визуальная антропология – хорошо институционализированная область деятельности, существуют мировые, европейские, национальные ассоциации, проводятся фестивали, – у нас в стране проходят как минимум три фестиваля ежегодно. И снимают много. Есть несколько центров; один из них – Центр визуальной антропологии в МГУ.

Когда-то давно, в начале перестройки, я в качестве методолога оказался на фестивале визуальной антропологии в Кяэрику. Попал там (будучи вообще видеоманом) в очень интенсивную творческую среду и, подряд просмотрев то ли 70, то ли 80 фильмов, вышел оттуда другим человеком.

Всё это многоцветье мира – при нашей тогдашней серости – подействовало невероятно сильно. Все культурно-экологические заботы, все разговоры про малые народы, их поселения, памятники – обрели убедительную чувственную форму. То, что многими воспринималось как пережитки, остатки старой деревенской культуры, вдруг оказалось серьёзным, глубоко осмысленным, сохранившим этнокультурную будущность. С таким визуальным материалом можно приходить в любую аудиторию –

и говорить сквозь призму экранного опосредования о традициях, о России, – о чём угодно. Тогда это было для меня находкой.

Я стал сотрудничать с Центром визуальной антропологии МГУ. Участвовал в создании первого – уже постсоветского фестиваля – в Салехарде. Был даже президентом Российской Ассоциации визуальной антропологии – пока дефолт не наступил. И до сих пор хожу на эти фестивали, конференции, выступаю...

– И напоследок: какие, по-Вашему, направления мышления о человеке, формирования человека актуальны сейчас?

– Я, знаете, ещё когда началась перестройка, всё время произносил: «Наша задача – научиться жить самим». Без забот партии и правительства, так сказать. То есть: задача человека – самоопределение и «забота о себе». Это антропологический сюжет, касающийся каждого.

Так вот, я думаю, что «мэйнстрим» – это наращивание антропологического воображения. Необходимо развивать язык говорения о себе: не о своих обыденных нуждах, а о себе как о человеке, индивидуальном воплощении человечности, о межличностных отношениях и личностном росте... В условиях «демократии чувств», когда образ жизни сильно индивидуализирован в эмоционально-ценностном отношении, крайне актуален вопрос самоопределённости и наведения межличностных связей. Наша задача – внятно сказать друг другу, как мы отстраиваем свои отношения и что нам вместе доступно делать.

Это смещение антропологических акцентов я в своё время заметил в американском кино (кстати сказать, критикой этот момент не был особо зафиксирован). До известных пор типовой центральной фигурой там был рейнджер, мачо, герой, который всё решает и всё делает сам, и может победить всё, что угодно. А потом вдруг одним из базовых сюжетов стала иная ситуация: он и она случайно попадают в какие-то сверхтрудные обстоятельства, и наступает перелом, когда они без особой ажитации, как бы говорят друг другу: «ну что, мы вместе?», и тогда уже прорываются через всё, что угодно. Этот сюжетный перелом надо бы понять: способность людей, в межличностном взаимодействии, подтверждать или опровергать базовое согласие на общность установлений, и затем уже следовать им. Исследовательской мысли придётся иметь с этим дело в жизни, как с антропологической реальностью, которую предстоит осмысливать...

Я вот упоминал множество современных театральных постановок на классические сюжеты, которое кажется глубоко неслучайным. Сближение авангарда с традиционализмом – несомненное свидетельство потребности говорить современным языком о чём-то глубинном, главном в человеческой жизни. Осознания то, что наследие – это основа человеческой жизнеспособности. Мне кажется, активное освоение традиционных антропопрактик служит именно этому.

С одной стороны, есть академический, инициаторский слой всех этих антропологических изысков (который и мы с С.С.Хоружим представляем), а с другой – есть система запросов со стороны менеджмента: это когда идёт речь о «работе с персоналом», о «человеческом потенциале», о «человеческом» или «социальном капитале»... Я думаю, это вопрос разумной коэволюции: если наши разыскания могут стать интересными для практики корпоративного управления, нас будут поддерживать. То есть, на данном этапе ищутся какие-то институционализации, не теряющие своего сугубо академического содержания, но способные на длительное выживание. Из этого что-то должно сложиться.

– Да Вы, я смотрю, настроены оптимистично.

– А я вообще оптимист. Вот Гегель в своё время описал феномен «несчастливого сознания», а я – носитель «счастливого сознания».